

Jack London

Джек Лондон

Морской волк

SEA-WOLF

Перевод Горфинкеля Д. М.

Учебное пособие

Метод параллельных текстов

ШКОЛЬНЫЕ

ТЕХНОЛОГИИ

УДК 811.111

ББК 81.2 Англ-93

Л 76

Л 76 Лондон Джек. Морской волк = SEA-WOLF.

Учебное пособие. Метод параллельных текстов А.М. Кушнира. — М.: Школьные технологии, 2021. — 472 с.

ISBN 978-5-521-76506-5

Учебное пособие для изучения английского языка методом параллельных текстов. «Параллельные тексты» являются составной частью природосообразной модели обучения, разработанной психологом Алексеем Кушниром. Принципиальное отличие этой модели в том, что в её основе лежит не лингвистика, а закономерности психофизиологии — механизмы работы мозга, психики, личности. Человек осваивает что бы то ни было благодаря именно этим механизмам, а не сообразно предметной парадигме математики, географии или лингвистики. Именно поэтому переход на природосообразные алгоритмы обучения позволяет значительно увеличить эффективность учебного процесса. Пособие предназначено для использования в учебном процессе, а также для самообразования.

ISBN 978-5-521-76506-5

ББК 81.2 Англ-93

© Пер. Горфинкель Д. М., 2021

© Школьные технологии, 2021

Моим учителям посвящается...

Вы держите в руках учебную книгу, которая является частью проекта «EnglishUpSelf». Это глубоко личный проект, поскольку стартовал в далёкой юности, почти в детстве. Тогда у этого проекта ещё не было ни имени, ни плана, но как оказалось, была некая предрешиённость...

Все мы родом из школы! Некоторые учителя остаются в памяти и сердце навсегда. Моя учительница немецкого Галина Ивановна Зленко из таких. Но помню её почему-то не как учителя, а как друга, взрослого друга... Мне, шестикласснику, тогда и в голову не приходило, что пойду я на факультет иностранных языков и стану учителем немецкого.

В седьмом классе отца перевели из Поздеевки в Белогорск, и я стал учеником городской школы № 17. Здесь уже была другая учительница, Антонина Николаевна. Особого интереса к иностранному языку не было, но отношения с учителем были равные и уважительные. И всё-таки по немецкому выходила тройка... Это была единственная тройка, которая могла оказаться в аттестате, а в ту пору шла повсеместная борьба за «средний балл». Это что-то вроде вселенской войны за баллы ЕГЭ. Но мне тройку не поставили, видимо, приняли во внимание заслуги в алгебре и на конкурсе «А ну-ка парни!».

Одноклассники уже все определились, кто куда поступает, я же весь извёлся сомнениями. Особо ценным качеством казалась мне тогда некая универсальность, знание и умение всего и вся, готовность ко всему, с чем можно столкнуться в жизни. Как-то это было связано с предполагавшейся военной карьерой. К окончанию школы я был уже водитель-механик третьего класса, имел третий-четвёртый разряд по нескольким профессиям. Особенно нравилось токарное дело... И мыслил я так, что незачем тратить время на алгебру или историю, которые я легко могу освоить самостоятельно. Эта почти случившаяся тройка по немецкому терзала и требовала реванша, и терзания те привели прямиком на факультет иностранных языков.

Чуть не вылетев после первой же сессии, я окончательно осознал горькую правду: к языкам не способен... Преподавателям я, наверное, казался если не идиотом, то бездельником. А между тем зубрил и зубрил усердно, но безо всякого результата. Товарики по группе легко заучивали страницы, а мне и абзац не давался... Выезжал кое-как на понимании, интуиции и везении.

Бросить? Нет! Это не про нас...

Смириться с таким своим плачевным состоянием было, конечно же, невозможно! Дума думалась день и ночь... Мозг изворотливо искал виновных, подсказывал чьи-то просчёты в методиках. Но постепенно этот внутренний обличительный диалог вошёл в русло дотошного анализа и поиска. И я пришёл к выводу, что возможен другой путь освоения иностранного языка, опирающийся не на зубрёжку, а на что-то ещё. Нужен был какой-то толчок, случайная находка, догадка.

Сидим в гостях у кого-то из городских, цедим на пятерых бутылочку «Алиготе» за рубль шестьдесят пять. Перебираю на полке хозяйские книжки... Ба!? «Три товарища» Ремарка на русском языке... Мы как раз работаем с книгой на «домашке», препарируем текст, анализируем языковые средства, доказываем преподавателю, что вдумчиво читали

и переводили... Немецкий пока ещё так себе, анатомы-препараты те ещё, обсуждение прочитанного, соответственно, то ещё! А тут такая удача. Ну, думаю, в институтской библиотеке должен же быть Ремарк на русском. Иду. И на тебе: студентам инфака ни Ремарка, ни Джером К. Джерома на русском не выдают. Не я первый, значит.

«Per aspera ad astra...», это принципиально!

Недолго думая попросил одноклассника с факультета физвоспитания взять для меня пару нужных книг, и началось... Зачитывался! Обе книжки перед глазами, читаю на немецком, проверяю себя на русском, а однажды заметил, что порой перевод мне не нравится, кажется не совсем точным, не вписывается в авторский ритм...

А весной, что называется, гром грянул! С окна третьего этажа общежития на тротуар свалился почтовый ящик, служивший студентам зимой холодильником. Прямо под ноги грохнул наземь, разбрасывая раставшие остатки зимней снеди. Испуг был нешуточный. Я не по-детски ругнулся залпом... Да не на родном, русском, а на чужом, немецком языке. И не только ругнулся, а ещё мысленно сказал всё, что думаю о дураках, которые привязывают ящики за окнами чем-нибудь типа ниток под номером 40.

Эта спонтанная «немецкая» реакция меня сильно озадачила. Работа с «параллельными текстами» дала настолько мощный прорыв в понимании иностранного языка и накоплении лексики, что я периодами стал думать по-немецки. А то и сон приснится с баварским акцентом. По-прежнему оставались проблемными дисциплины, где главным методом успеха было заучивание наизусть, но в целом учёба стала налаживаться.

Постепенно выстраивался алгоритм беспроблемного, лёгкого освоения иностранного языка, который окончательно оформился в метод обучения к концу второго курса. Теперь у меня было полное понимание того, почему язык все учат, но никто не знает, почему освоение языка идёт туго, медленно и трудоёмко, и как надо организовать учёбу, чтобы дело пошло. Конечно, хотелось поделиться с профессионалами, услышать оценку своих методических конструкций, даже изменить что-то в обучении нас, но увы, преподаватели моих «открытий» вежливо не оценили.

На третьем курсе — курсовая по методике. Давались проверенные временем темы и никакой самостоятельности... Я со своими тройками и изобретениями доверия не вызывал, а потому отличиться с собственной темой почти не было шансов. И всё-таки повезло! Преподаватель латинского, один из руководителей курсовых работ, Яков Вениаминович Генин, изучив мои выводы, сказал: «А ты знаешь, раньше так изучали латынь... Почему бы и нет?» Так я впервые, в 1978-м, оформил свои методические мысли письменно. И только в 1997 году мне удалось повторить этот «подвиг». В качестве отдельного выпуска журнала «Школьные технологии» вышла в свет небольшая книжка «Педагогика иностранного языка».

Мне, студенту, удалось разработать эффективный алгоритм работы, но понять некоторые неметодические причины того, почему «все учат, но никто не знает», довелось много позже. Где-то в 1984-м, в московском дворике по улице Сивцев Вражек, на скамеечку присел старичок погреться на солнышке. Знать бы мне, что это был действующий кандидат в члены ЦК КПСС... Разговорились. Он расспрашивал, чем занимаюсь в аспирантуре, какие есть идеи, мысли, планы и достижения... Я, конечно же, не утерпел и рассказал о своих методических изысках. Удивительно то, насколько ему всё было интересно. Он задавал уточняющие вопросы, высказывал догадки и гипотезы. Это был, пожалуй, один из самых интересных и сведущих собеседников в моей

жизни. А напоследок нашей беседы он рассказал мне случай, имеющий отношение к теме.

В конце пятидесятых ЦК КПСС сформировал рабочую группу для выработки решений по поводу размещения на территории СССР станций РЭБ, а проще — «глушилок», предназначенных для подавления враждебных «голосов». Один из экспертов-инженеров, капитан-фронтовик, в ходе обсуждения высказал абсурдную на первый взгляд мысль: «А что же делать с передачами на немецком, английском языках? Как их глушить?» Вопрос вызвал смех, но председатель рабочей группы был не так прост. Он попросил капитана пояснить свой вопрос. «У нас на фронте, кто призвался после средней школы, сразу становились переводчиками...», — ответил капитан. Присутствующие на совещании фронтовики подтвердили массовость этого факта. И к проводам немецким подключались, и эфир слушали, и допросы вели. Выходит, школа давала и продолжает давать хороший уровень языковой подготовки. настолько хороший, что «железный занавес» терял смысл.

Уже через пару недель боевой отряд партии, КГБ СССР, получил задание изменить методику преподавания таким образом, чтобы «все учили, но никто не знал» иностранный язык.

В кратчайшие сроки, под аккомпанемент постановлений «об улучшении дел» с иностранными языками в СССР, переводно-грамматический метод обучения был заменён на «условно-коммуникативный». В считанные недели, месяцы из обихода и библиотек исчезла методическая литература по «устаревшей методике», а переподготовку прошли все учителя страны. С тех пор в СССР и в России язык все учат, но никто не знает. Таким образом, неэффективность обучения языкам в нашей стране является результатом спецоперации КГБ СССР. Эта служба, как видно, с задачей справилась настолько хорошо, что последствия этой спецоперации не преодолены по сей день.

Этого «старичка», кандидата в члены ЦК КПСС, звали Яков Иванович Кабков.

В последние годы в России широко распространились сетевые школы иностранных языков, работающие по западным лекалам. Но и они не решили проблему эффективного обучения, поскольку принесли к нам всё тот же условно-коммуникативный метод, который хорош для Европы, но совершенно непригоден у нас. Таким образом, низкая эффективность применяемых методов обучения остаётся нерешённой проблемой!

На самом деле у нас давно есть технология обучения, которая преодолевает наследие «железного занавеса» и некоторых успешных спецопераций, и идёт дальше переводно-грамматического метода! Её эффективность превосходит известные практики вдвое-втрое, что даёт существенную экономию времени. Уникальность этой технологии, например, в том, что при её использовании не нужен преподаватель иностранного языка, она достаточно хороша для самообразования.

Зачем я рассказываю здесь эту свою, глубоко личную, историю? Дело в том, что для нас эта история типична, она встречается в судьбе любой инновации и каждого изобретателя в нашей стране.

Да, действительно, ещё тогда, в 70-х, был найден простой и эффективный метод обучения. Уже работая преподавателем в пединституте, мне удалось апробировать некоторые технологические решения и убедиться в их беспрецедентной эффективности. Моими испытуемыми были студенты факультета русского языка и литературы, а также строительного техникума. И я точно знаю, что разработанный тогда алгоритм учебной

работы по-прежнему недостижимы по эффективности для других систем обучения, будь они из самых первых рук Гарварда или Принстона. Но если решение такое эффективное, то отчего же его нигде нет? Это и есть причина рассказывать эту историю.

Это и есть то, что меня потрясает, возмущает и оскорбляет — наша тотальная, беспросветная, безысходная инновационная тупость. Изобретателей у нас хватает, идей тоже, но вы посмотрите, с каким трудом эти изобретатели и эти идеи пробиваются в свет! Я другой такой страны не знаю... Стоит ли об этом говорить в предисловии к учебной книге? Не знаю! Иногда мне кажется, что надо не говорить, а орать, орать на всех улах...

Вспомните начало 90-х! Ренессанс педагогического творчества и изобретательства, несколько лет творческого полёта в будущее! Думали, теперь это навсегда... Но взгляните на сегодняшнего директора школы. Полномочия, возможности и прочие «степени свободы» директора школы в СССР ему и не снились! Предложите ему инновацию, и он отпрыгнет от вас как от чумного. Впрочем, если та же инновация будет родом из каких-нибудь швейцарий, сингапуров и прочих америк, то welcome...

Что с нами?

Может, не сетовать на «особенности национальной инновации» да не ныть про всеобщую инновационную тупость, а выпекать эти «методические пирожки» и делом обосновывать достоинства подхода?

Несколько слов надо сказать об аналогах. Такие и похожие книги есть, достаточно давно выпускаются, но используются иначе, в рамках другой методологии. В нашей системе обучения книги с подстрочником используются несколько иначе, но об этом — отдельно.

Итак, перед вами учебная книга. Инструкция к ней очень проста: читайте не торопясь, наслаждайтесь чтением, а когда непонятно, подглядывайте в подстрочный перевод. Не смущайтесь, если вам покажется, что подстрочник слишком далёк от оригинала. Главное не буква, а дух, ведь это художественное произведение, которое допускает определённую свободу толкования. В любом случае, от книги к книге ваши навыки в английском неизбежно будут улучшаться.

Ваши успехи будут ещё более заметными, если вы воспользуетесь нашей системой обучения в полном объёме. Что для этого нужно? Также всё просто: свяжитесь с нами по телефону 495–9725962 или по электронной почте kushnir-narobr@yandex.ru

Книга издаётся с переводом Даниил Михайлович Горфинкеля (1889–1966) — поэт, переводчик, редактор. В 1920-х был членом литературной группы «Звучащая раковина» Н. Гумилева, которого считал своим учителем. В начале Великой Отечественной войны участвовал в рытье противотанковых рвов на фронте. В конце первой блокадной зимы был эвакуирован на Урал, где после продолжительного лечения от истощения служил сначала в г. Кунгуре на Машиностроительном заводе, заведовал технической библиотекой и бюро рабочего изобретательства, затем в Свердловске, в Уральском индустриальном институте, руководил изданием научных трудов. В 1945 вернулся в Ленинград, где целиком посвятил себя литературной работе. Участвовал в переводе переписки Шиллера, в 1950 вышли в свет его переводы из Гейне. В 1951 перевёл часть романа Ф. Купера «Маникины». Переводил сочинения А. Франса, Ст. Цвейга, Дж. Лондона и др.

Алексей Кушнир

THE SEA-WOLF

Морской волк

by JACK LONDON

Джек Лондон

CHAPTER I

Глава I

I scarcely know where to begin, though I sometimes facetiously
Не знаю, как и с чего начать. Иногда, в шутку, обвиняю во всем
place the cause of it all to Charley Fursuth's credit. He kept a summer
случившемся Чарли Фьюрэта. Он держал летний домик
cottage in Mill Valley, under the shadow of Mount Tamalpais, and never
в Милл-Вэлли, под сенью горы Тамальпайс, и никогда не жил там, кроме как
occupied it except when he loafed through the winter months and read
бездельничал в зимние месяцы и читал Ницше и Шопенгауэра, чтобы дать отдых
Nietzsche and Schopenhauer to rest his brain. When summer came on, he
своему мозгу. А летом он предпочитал
elected to sweat out a hot and dusty existence in the city and to toil
выпариваться в пыльной духоте города, надрываясь от работы.
incessantly. Had it not been my custom to run up to see him every Saturday
Если бы не моя привычка приезжать к нему каждую субботу в полдень и
afternoon and to stop over till Monday morning, this particular January
оставаться у него до утра следующего понедельника, то это чрезвычайное утро
Monday morning would not have found me afloat on San Francisco Bay.
январского понедельника не застало бы меня в волнах бухты Сан-Франциско.
Not but that I was afloat in a safe craft, for the Martinez was a new
И не потому это произошло, что я сел на плохое судно; нет, «Мартинес» был
ferry-steamer, making her fourth or fifth trip on the run between Sausalito
новый пароходик и совершал всего четвёртый или пятый рейс между Саусалито и
and San Francisco. The danger lay in the heavy fog which blanketed the
Сан-Франциско. Опасность таилась в густом тумане, который обволакивал бухту
bay, and of which, as a landsman, I had little apprehension.
и о коварстве которого я как сухопутный житель мало знал.

In fact, I remember the placid exaltation with which I took up my
Вспоминаю спокойную радость, с какой я уселся на верхней
position on the forward upper deck, directly beneath the pilot-house, and
палубе, у лоцманской рубки, и как туман захватил моё воображение
allowed the mystery of the fog to lay hold of my imagination.
своей таинственностью.

A fresh breeze was blowing, and for a time I was alone in the moist
Дул свежий морской ветер, и некоторое время я был один в сырой мгле,
obscurity – yet not alone, for I was dimly conscious of the presence of the
вропрочем, не совсем один, так как я смутно чувствовал присутствие лоцмана и того,
pilot, and of what I took to be the captain, in the glass house above my head.
кого я принимал за капитана, в стеклянном домике над моей головой.

I remember thinking how comfortable it was, this division of labour
Вспоминаю, как я думал тогда об удобстве разделения труда, делавшем
which made it unnecessary for me to study fogs, winds, tides, and
ненужным для меня изучение туманов, ветров, течений и всей морской науки, если я
navigation, in order to visit my friend who lived across an arm of the sea. It
хочу навестить друга, живущего по другую сторону залива.

was good that men should be specialists, I mused. The
«Хорошо, что люди разделяются по специальностям», – думал я в полудремоте. Познания
peculiar knowledge of the pilot and captain sufficed for many thousands of
лоцмана и капитана избавляли от забот несколько тысяч людей, которые знали
people who knew no more of the sea and navigation than I knew. On the
о море и о мореплавании не больше, чем я. C другой

other hand, instead of having to devote my energy to the learning of a
стороны, вместо того чтобы расходовать свою энергию на изучение множества
multitude of things, I concentrated it upon a few particular things, such as,
вещей, я мог сосредоточить её на немногом и более важном, например,
for instance, the analysis of Poe's place in American literature – an essay of
анализ места Алана По в американской литературе – мое эссе,

mine, by the way, in the current Atlantic. Coming aboard, as I passed
кстати, в последнем номере «Атлантика». Когда, садясь на пароход, я проходил
through the cabin, I had noticed with greedy eyes a stout gentleman reading
через каюту, с удовольствием заметил полного человека, читавшего «Атлантик»,
the Atlantic, which was open at my very essay. And there it was again, the
открытый как раз на моей статье. Тут опять было разделение
division of labour, the special knowledge of the pilot and captain which
труда: специальные познания лоцмана и капитана позволяли полному джентльмену,
permitted the stout gentleman to read my special knowledge on Poe while
пока его везли из Саусалито в Сан-Франциско, знакомиться с моими специальными
they carried him safely from Sausalito to San Francisco.
познаниями о писателе По.

A red-faced man, slamming the cabin door behind him and stumping
Какой-то краснолицый пассажир, громко захлопнув за собой дверь каюты
out on the deck, interrupted my reflections, though I made a mental note of
и выйдя на палубу, прервал мои размышления, и я успел только отметить у
the topic for use in a projected essay which I had thought of calling
себя в мозгу тему для будущей статьи под названием:

“The Necessity for Freedom: A Plea for the Artist.”

«Необходимость свободы, "Слово в защиту художника».

The red-faced man shot a glance up at the pilot-house, gazed around

Краснолицый человек бросил взгляд на рубку, посмотрел пристально на

at the fog, stumped across the deck and back (he evidently had artificial

туман, прошёлся взад и вперед по палубе (у него были, по-видимому, искусственные

legs), and stood still by my side, legs wide apart, and with an expression of

конечности) и стал рядом со мной, широко расставив ноги, с выражением явного

keen enjoyment on his face.

удовольствия на лице.

I was not wrong when I decided that his days had been spent on the

Я не ошибся, когда решил, что вся его жизнь протекла на море.

sea.

“It’s nasty weather like this here that turns heads grey before their

– Этакая пакостная погода поневоле делает людей седыми раньше времени, –

time,” he said, with a nod toward the pilot-house.

сказал он, кивнув на лоцмана, стоявшего в своей будке.

“I had not thought there was any particular strain,” I answered. “It

– А я не думал, что тут требуется особое напряжение, – ответил я, –

seems as simple as A, B, C. They know the direction by compass, the

кажется, дело просто как дважды два четыре. Они знают направление по компасу,

distance, and the speed.

расстояние и скорость.

I should not call it anything more than mathematical certainty.”

Я бы не назвал это чем-то большим, чем математическая определенность.

“Strain!” he snorted. “Simple as A, B, C! Mathematical

– Напряжение! – возразил он. – Просто, как дважды два; точно, как

certainty!”

математика!

He seemed to brace himself up and lean backward against the air as

Он укрепился потвёрже на ногах и откинулся назад, чтобы посмотреть на

he stared at me.

меня в упор.

“How about this here tide that’s rushin’ out through the Golden

– А что вы думаете насчёт этого течения, которое мчится теперь

Gate?” he demanded, or bellowed, rather. “How fast is she ebbin’? What’s

через Золотые Ворота? Знакома ли вам сила отлива? – спросил

the drift, eh? Listen to that, will you? A bell-buoy, and we’re

он. – Поглядите, как быстро относит ихуну. Слышите, как звонит буй, а мы

a-top of it! See ’em alterin’ the course!”

идём прямо на него. Смотрите, им приходится менять курс.

From out of the fog came the mournful tolling of a bell, and I could
Из тумана нёсся заунывный колокольный звон, и я видел, как
see the pilot turning the wheel with great rapidity. The bell, which had
лоцман быстро поворачивал штурвал. Колокол, который, казалось,
seemed straight ahead, was now sounding from the side. Our own whistle
был где-то прямо перед нами, звонил теперь сбоку. Наши собственный
was blowing hoarsely, and from time to time the sound of other whistles
гудок хрипло гудел, и время от времени доносились до нас из тумана гудки
came to us from out of the fog.
других пароходов.

“That’s a ferry-boat of some sort,” the new-comer said, indicating
– Это, должно быть, пассажирский, – сказал вновь пришедший, обратив моё
a whistle off to the right. “And there! D’ye hear that? Blown by
внимание на гудок, донёсшийся справа. – А там, слышите? Это говорят в
mouth. Some scow schooner, most likely. Better watch out, Mr.
рупор, вероятно, с плоскодонной шхуны. Будьте осторожнее, мистер на
Schooner-man. Ah, I thought so. Now hell’s a poppin’ for somebody!”
шхуне! Да, я так и думал! Сейчас для кого-то откроется ад.

The unseen ferry-boat was blowing blast after blast, and the
Невидимое судно издавало гудок за гудком, и рупор звучал,
mouth-blown horn was tooting in terror-stricken fashion.
как бы поражённый ужасом.

“And now they’re payin’ their respects to each other and tryin’ to
– А теперь они обмениваются приветствиями и стараются разойтись, –
get clear,” the red-faced man went on, as the hurried whistling ceased.
продолжал краснолицый человек, когда встревоженные гудки прекратились.

His face was shining, his eyes flashing with excitement as he
Его лицо сияло и глаза искрились от возбуждения, когда он переводил
translated into articulate language the speech of the horns and sirens.
на человеческий язык все эти сигналы гудков и сирен.

“That’s a steam-siren a-goin’ it over there to the left. And you hear
– А это вот сирена парохода, держащего курс налево. Слышите этого
that fellow with a frog in his throat – a steam schooner as near as I can
молодца с лягушкой в горле? Это паровая шхуна, насколько я могу судить,
judge, crawlin’ in from the Heads against the tide.”
ползёт против течения.

A shrill little whistle, piping as if gone mad, came from directly
Пронзительный тонкий свисток, словно сумасшедший, слышался впереди,
ahead and from very near at hand. Gongs sounded on the Martinez.
очень близко от нас. Зазвучали гонги на «Мартинесе».